

12. FRUS. PPC. Vol. 9. P. 863–866, 868–871, 889–890. См. также: Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 263–264.
13. FRUS. PPC. Vol. 9. P. 847–852; *Thompson J.* Op. cit. P. 368, 370–375.
14. В.А. Bakhmeteff to R. Lansing. Jan. 17, 1920 // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 6. Л. 61–63 (далее: ГАРФ).
15. М. В. Челноков — В. А. Маклакову. 3 марта 1919 г. // ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 285. Л. 31–32.
16. В.А. Маклаков — А. А. Нератову. 9 мая 1919 г. // ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 35. Л. 4–5.

В.А. Зубачевский

Советская Россия и начало геополитической трансформации Центрально-Восточной Европы (1918–1919 гг.)

Геополитическая трансформация Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) в результате итогов Первой мировой войны способствовала обострению международных отношений и началу Второй мировой войны. В средние века к ЦВЕ относили польско-литовское государство, Чехию и Венгрию. До 1918 г. регион входил в состав Австро-Венгрии, Германии и России, являясь буфером между западом Центральной Европы и Восточной Европой. Территориальные параметры континентальных держав определяли их международное влияние и обуславливали равновесие сил в ЦВЕ.

Революции 1917 г. и Брестский мир способствовали подъему национально-освободительных движений на территории бывшей Российской империи. После свержения династии Романовых Временное правительство поддержало лозунг единой и неделимой России. Но под давлением Петроградского Совета кабинет Г.Е. Львова согласился 29 марта 1917 г. на «создание независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским

народом»¹, полагая необходимым земли с украинским и белорусским населением оставить в границах России. Решение о независимости Польши привело к взрыву украинского национализма, и в ноябре 1917 г. была провозглашена Украинская Народная Республика (УНР). В октябре 1918 г. в Восточной Галиции образовалась Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР), власти которой претендовали также на Прикарпатскую Русь и Северную Буковину².

Осенью 1918 г. в условиях распада Австро-Венгрии и революции в Германии в ЦВЕ возникли суверенные государства. Существовавшая в регионе национальная и конфессиональная чересполосица не позволяла установить четкие границы: их конфигурация зависела от развернувшейся между союзниками борьбы накануне и в период работы Парижской мирной конференции. Немалое влияние на исход дипломатических баталий оказала гражданская война в России, непредсказуемость итогов которой предполагала вариативность послевоенной карты региона.

Участниками конфликтов в ЦВЕ явились Советская Россия, Веймарская республика, Польша, но проблема границ касалась и Чехословакии (ЧСР), и Литвы. Свои интересы имели украинские и белорусские националисты. В эпицентре конфликтов оказалась Польша, ибо Советская Россия и Германия видели в ней «сезонное государство», форпост Запада в борьбе с русской революцией и «санитарный кордон» против большевиков. Однако Польша также обостряла отношения и с Советской Россией и Германией, и с ЧСР и Литвой.

Польские политические группировки, сумевшие во многом благодаря русским революциям восстановить государственность Польши, вынашивали планы превращения ее в великую державу. Особенно усердствовал начальник (диктатор) Польского государства Ю. Пилсудский, мечтавший свести Россию к границам Московского царства путем создания между Польшей и Россией буферного пояса из формально автономных, но фактически подчиненных Варшаве украинских, белорусских и литовских земель. Белое движение отвергло экспансионистские планы Пилсудского, поэтому под давлением Антанты он пошел на формальное сотрудничество с белыми, а в борьбе с красными руководствовался геополитическими мотивами. Антибольшевистское движение поддерживала Национальная демократия

(эндеки), крупнейшая польская буржуазно-помещичья партия — противница Пилсудского.

Советские лидеры пытались поставить идеологию выше геополитики, оправдывая с этой точки зрения Брест-Литовский мирный договор с Германией. По мнению В.И. Ленина, немецкие политики не успели бы воспользоваться плодами оккупации, поэтому большевики, рассчитывая на европейскую революцию, уступили «пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время»³. Интересным представляется ответ Ленина на тезис о необходимости революционной войны: «Мы воевали бы теперь, объективно, из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии», но «интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение»⁴. Ленин сравнил Брестский мир с Тильзитским, когда пруссаки были отброшены к Тильзиту, «что равносильно тому, если бы нас отбросили к Омску»⁵.

Сепаратный договор с Германией являлся серьезным тактическим маневром Ленина и его сторонников, надеявшихся, что мир явится кратковременным отступлением на пути борьбы за мировую революцию. Но реальная ситуация не соответствовала революционной схеме: Брестский мир явился первым тяжелым поражением курса на подготовку мировой революции. Брестский мир ставил Россию в положение нарушителя международных обязательств и мало что оставил от большевистского лозунга «демократический мир без аннексий и контрибуций». Более того, призыв к соблюдению права наций на самоопределение Германия использовала в тактических целях, чтобы окончательно оторвать от России и подчинить рейху Польшу, Литву, Курляндию. В результате из-под контроля Москвы вышли западные земли бывшей Российской империи и Закавказье. Развал армии, которому способствовали сами большевики, не оставил им иного выхода из войны.

В германских правящих кругах рассматривались разные концепции овладения российскими землями: создание «*Randstaaten*» (нем. — окраинные государства) или подчинение Германии центрального правительства России. Важную роль играли федеративные планы: их авторы считали невозможным создание национальных государств в ЦВЕ из-за смешанного состава ее населения и из экономических соображений стремились не допустить дезинтеграции региона, противодействуя отрицательным последствиям осуществления права наций на самоопределение.

Тем временем после ухода Л.Д. Троцкого с поста наркома иностранных дел (НКИД) во внешнеполитической теории и практике ведомства появились элементы реальной политики. По мнению ряда российских историков, не все сотрудники НКИД и его представительств за рубежом разделяли концепцию экспорта революции в соседние страны. Новый нарком Г.В. Чичерин писал полпреду в Германии А.А. Иоффе в мае 1918 г.: «Ставка на “передышку” <...> влечет за собой “реальную политику”, а она <...> сводится к тому, чтобы заманивать немцев реальными выгодами, могущими проистечь для них от мира с нами»⁶. В июле первый генерал-квартирмейстер штаба верховного командования Э. Людендорф заявил: «мы должны <...> лишить Антанту надежды поднять еще раз против нас Россию <...> мы <...> не должны предпринимать попыток свергнуть <...> большевиков»⁷. Советско-германский Добавочный договор от 27 августа 1918 г. ослабил позиции германской военной партии, к которой принадлежал Людендорф. Осенью Германия оказалась на пороге военно-политической катастрофы и, прибегнув 5 ноября к провокации, разорвала дипломатические отношения с РСФСР. После капитуляции Германии ее генералитет предложил Антанте помощь для наступления на Москву, поскольку нарождающиеся «малые государства не смогут преодолеть большевизм своими силами»⁸.

Но помимо НКИД на международной арене действовали Коминтерн и силовые ведомства. Складывающуюся после военного поражения Германии ситуацию на востоке Центральной Европы некоторые функционеры Коминтерна оценили следующим образом: немецкое население восточных провинций Пруссии присоединяется без плебисцита к «конгрессной» Польше (бывшее Царство Польское. — В.З.) по военным и стратегическим соображениям, «союзники отдают рабочее движение во власть реакции [польской]». Немецкие милитаристы хотят создать независимое от Польши государство из Западной и Восточной Пруссии, откуда начнется «возрождение» Германии⁹.

Большевики видели в Польше не субъект международных отношений, а объект политики Антанты и недооценили роль геополитического фактора в планах Пилсудского против Советской России. 5 февраля 1919 г. в связи с наступлением польских войск против большевиков Германия и Польша подписали соглашение об эвакуации германской армии с оккупированных ею земель, но немецкая сторона оговорила, что

данный акт не отражает ее позицию по поводу окончательной принадлежности этих территорий¹⁰. Польские соединения по распоряжению главнокомандующего союзников маршала Ф. Фоша были пропущены через германскую линию обороны. 14 февраля начались бои между польской армией и частями Красной армии. Современные польские и ряд российских историков считают, что с этих событий началась «польско-большевистская война», которая, по словам польского историка Г. Лукомского, велась «не против поработанных империализмом большевиков россиян»¹¹. Ответственность за конфликт еще ранее польские правящие круги возложили на большевиков, чьи войска, дескать, «наводняют Литву и Белоруссию», часть которых «неоспоримо польская»¹².

Подлинную причину захватнической политики Польши на востоке Центральной Европы изложил в июне 1919 г. Польский национальный комитет, представлявший интересы страны на мирной конференции в Париже: «может быть проведен опрос в целях проверки, польский или непольский характер имеют наши восточные окраины <...> когда союзники вместе с Россией будут определять, как далеко на восток будет простирается Польша, мы станем на границах этих территорий <...> такой силой, которая склонит чашу весов в нашу пользу»¹³. По мнению польского историка В. Балцерака, советские декреты в отношении Польши означали возвращение к правовому положению до первого раздела Rzeczpospolita. В тоже время «традиция российской империи и революционная стратегия предполагали экспансию на запад. Польша, чтобы не стать одной из советских республик, должна была с оружием в руках противостоять этой экспансии»¹⁴. Однако Пилсудский позже признал: «Войну с Советами Польша начала еще в 1918 г. <...> пространство, которым я обеспечил себя от “революции извне” <...> имело даже свои отрицательные стороны, ибо наш народ, при своем известном легкомыслии <...> забывал о законах, какие тяготеют над народом, ведущим войну»¹⁵. Экспансионистские планы польских лидеров поддержали многие поляки (особенно вне этнической Польши), считавшие, что при включении в состав Польши земель на востоке она будет способна противостоять Германии и России.

Из-за военной слабости большевики создавали на спорных территориях западных окраин бывшей империи буферные советские республики и пытались урегулировать отношения с новыми государ-

ствами политическими средствами. Чичерин просил в феврале 1919 г. А.А. Иоффе, координировавшего как член Совета обороны внешнюю политику Литовско-Белорусской советской республики (Литбел), удержать сформированную большевиками польскую дивизию от вторжения в несомненно польские области и контролируемую национальной Тарибой (советом) часть Литвы¹⁶. В марте–апреле Чичерин предлагал провести в спорных местностях между Украиной, Литбел и Польшей «голосование трудящихся при условии увода чужих войск»¹⁷, но польская армия продолжала наступление на восток.

На Украинском фронте советские войска вели весной 1919 г. успешное наступление против войск УНР и интервентов. Большевики стремились к установлению связи с Советскими Венгрией и Словакией: от последней Красную армию отделяла в июне Восточная Галиция¹⁸. ЗУНР с ноября вела войну с Польшей, которая оккупировала к весне 1919 г. большую часть республики. Нарком иностранных дел Советской Словакии Я. Коушек писал 25 июня 1919 г. из Кошице своему представителю в Киеве: все чехословацкие Красные военные силы на Украине «желательно концентрировать на галицийский фронт, чтобы в случае соединения русских и мадьярских армий <...> отправить [их] на словацкий фронт»¹⁹. Верховный совет Антанты, опасаясь возможного соединения российской и венгерской красных армий, разрешил 25 июня Польше оккупировать всю Восточную Галицию и установить там гражданское правление²⁰. Временному отказу от революционных планов в регионе способствовали также военные неудачи Красной армии на Украине и спад революционного движения в Центральной Европе.

Чешские правящие круги в целом выступали за сильную буржуазно-демократическую Россию в противовес Германии и Польше, с которыми у ЧСР существовали серьезные территориальные противоречия. Председатель Временного чехословацкого правительства Т.Г. Масарик писал 7 ноября 1918 г. министру иностранных дел Э. Бенешу: «Россия должна остаться целостной, какой она была, это было бы лучше всего»²¹.

Большая часть советских войск находилась на фронтах гражданской войны и не могла дать полякам должный отпор: «В.С. лимитрофных государств, главным образом Польши, оттягивавшими значительную часть красных сил», способствовали стратегическому изнурению

Красной армии и увеличению военного потенциала белых, — отметил советский военачальник и военный историк Н.Е. Какурин²². Вместе с тем представляет интерес мнение бывшего члена Особого совещания при А.И. Деникине Н.И. Астрова: «Почему им [лимитрофам] удалось образоваться и не быть раздавленными большевиками <...> Строительство “барьера” со стороны Антанты было тому одной из главных причин. А главнейшей, может быть, было то, что белое движение с Востока и Юга поглощало внимание большевиков, которые должны были отвлечь все силы на борьбу со своими главными врагами. Белое движение, как косвенное содействие образованию лимитрофов»²³.

Астров обратил внимание и на двойное отношение националистических сил окраин бывшей Российской империи к Добровольческой армии: «Ее зовут <...> когда нужно <...> спастись от большевиков. Ее объявляют враждебной себе, как только непосредственная опасность от вторжения большевиков минует <...> Цели Добровольческой армии и самостийников были различны <...> Великодержавность, прямолинейность, отсутствие гибкости, с одной стороны. Тулая недалёковидность, легкомысленное самомнение самостийников <...> с другой»²⁴. Подтверждением последнего тезиса являются воспоминания одного из руководителей армии УНР Ю.Е. Тютюника: «Петлюра молча согласился на оккупацию поляками Галиции, Холмщины и Волыни. Он лишь просил Пилсудского, чтобы тот не шел со своим войском далее на восток <...> Полякам временно было выгодно, чтобы Петлюра был на Подолии, являясь каким-никаким барьером между красной армией и поляками»²⁵.

После прекращения наступления против Красной армии в сентябре 1919 г. Пилсудский отказался от предложения Кремля окончательно прекратить военные действия, но согласился на переговоры с Москвой, проходившие 10 октября – 13 декабря. Капитан И. Бёрнер, доверенное лицо польского главнокомандующего, заявил от его имени 26 октября главе советской делегации Ю.Ю. Мархлевскому: «Нам важно, чтобы Вы победили Деникина, берите свои полки, посылайте их против Деникина или против Юденича, мы вас не тронем»²⁶. Позже начальник государства приказал Бёрнеру сделать заявление следующего содержания: «Удар против большевиков в направлении Мозыря <...> помог бы Деникину <...> и даже мог быть решающим моментом

победы. Польша <...> имеет достаточно сил, чтобы выполнить этот удар. Но выполнила ли?»²⁷.

Деникин в эмиграции констатировал: «Пилсудский осенью 1919 г. заключил с советами тайное соглашение, в силу которого военные действия на польско-советском фронте временно прекратились»²⁸. О наличии такого соглашения свидетельствовали и большевики. Чичерин писал Иоффе в декабре 1919 г.: официально Мархлевский вел переговоры «об обмене заложников и гражданских пленных <...> Неофициально через известное лицо Пилсудский сделал заявление (весьма секретно) о непереходе поляками известной линии, и мы сделали таким же образом встречное заявление»²⁹. После начала наступления поляков на Украине в апреле 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) 4 мая 1920 г. заслушало вопрос: «Об опубликовании соглашения между Мархлевским и Пилсудским. Постановили. 7. Предложить т. Мархлевскому, если не будет особых возражений с его стороны, огласить в печати соглашение, ныне нарушенное Пилсудским». Но после обмена мнениями члены Политбюро высказались против публикации³⁰.

Но и в случае победы Белого движения в гражданской войне представляется маловероятным, чтобы Россия получила выгодную конфигурацию западных рубежей. Вместе с тем западные державы использовали поражение белых для оправдания установленных для России несправедливых западных границ. «Интервенция дала <...> практический результат, — констатировал У. Черчилль, — большевики в <...> 1919 г. были поглощены <...> столкновениями с Колчаком и Деникиным <...> новые государства <...> вдоль западной границы России <...> главным образом, Польша, могли <...> создать сильные <...> армии. К концу 1920 г. был образован “санитарный кордон” <...> который охраняет Европу от большевистской заразы»³¹.

Для оценки замыслов Москвы в 1918–1919 гг. в целом необходим объективный анализ положения в России. Незавершенность гражданской войны, усталость Красной армии, ужасное состояние фронтовых тылов, хозяйственная разруха не оставляли места стратегическим наступательным планам Советской России в отношении Польши. Итоговые очертания буфер-кордон в ЦВЕ приобрел после окончания советско-польской войны 1920 г. и решений Верховного совета Антанты и Лиги Наций в 1920–1923 гг.

Вместе с тем после подписания Рижского мирного договора и перехода к новой экономической политике советская внешнеполитическая парадигма все более отражала ориентацию большевиков не только на европейскую революцию, но и на реальную политику. В ряде случаев взгляды большевиков в отношении западных окраин бывшей Российской империи и восточных земель бывшей Австро-Венгрии совпадали в какой-то степени с воззрениями представителей белой эмиграции³². Можно сказать, что во внешнюю политику Советского Союза постепенно возвращалась имперская составляющая, обусловив, таким образом, определенную преемственность с политикой Российской империи, хотя и с серьезными коррективами в силу смены строя, режима правления, господствующей идеологии.

Примечания

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений (ДМИСПО). Т. I. М., 1963. С. 36, 35.
2. Восточная Галиция — часть Западной Украины; Прикарпатская Русь — Закарпатская Украина; Северная Буковина — часть современной Черновицкой области.
3. Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г. Стеногр. отчет. М., 1962. С. 109. Из выступления Ленина 8 марта. Об этом пишет и неустановленный автор в материалах «Брестский мир», отложившихся в бумагах К.Б. Радека. См.: РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 1. Л. 92.
4. *Ленин В.И.* К истории вопроса о несчастном мире // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 251.
5. *Ленин В.И.* Доклад о ратификации мирного договора 14 марта // Там же. Т. 36. С. 107.
6. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 40.
7. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Т. 1. М., 1968. № 242. Материалы совещаний между представителями имперского правительства и Верховного главнокомандования в Спа. Июль 1918 г. С. 567.
8. Там же. Т. 2. М., 1971. №15. Проект операции против большевиков, составленный по поручению германского Верховного главнокомандования. 23 января 1919 г. С. 46.
9. *Прайс М.П.* Германо-польский вопрос в Западной Пруссии и мирные

- условия союзников // Коммунистический Интернационал. 1919. № 5. С. 646, 647.
10. ДМИСПО. Т. II. М., 1964. № 68. С. 86, 87.
 11. *Łukomski G.* Walka Rzeczypospolitei o kresy pynocno-wschodnie 1918–1920. Poznac, 1994. S. 13, 61.
 12. Документы внешней политики (ДВП) СССР. Т. I. М., 1957. № 451. С. 625–626; Т. II. М., 1958. № 9. С. 15–17. Ноты Чичерина и министра иностранных дел Польши Л. Василевского в декабре 1918 – январе 1919 гг.
 13. ДМИСПО. Т. II. № 160. С. 265.
 14. *Wojna polsko-sowiecka 1920 roku: Przebieg walk i tło międzynarodowe.* Warszawa, 1991. S. 24.
 15. *Пилсудский Ю.* 1920 год // Пилсудский против Тухачевского. М., 1991. С. 232–233. Вероятно, следует говорить не о войне в строгом смысле слова, а о вооруженных столкновениях на спорных территориях, поскольку отсутствовал ряд важных признаков понятия «война».
 16. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52412. Л. 1, 6.
 17. Там же. П. 203. Д. 52405. Л. 18, 24. См. также: ДВП СССР. Т. II. № 50. С. 68–70; №54. С. 74–76; №70. С. 105–106; №85. С. 128–129. Ноты Чичерина польскому дипломату А.Я. Венцковскому.
 18. Из истории гражданской войны в СССР. Сб. док-в и мат-в. Т. 2. М., 1961. № 348. Телеграмма главного командования Всероссийского главного штаба об использовании интернациональных частей для связи с Советской Венгрией. 3 мая 1919 г. С. 385.
 19. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 1. Л. 1.
 20. ДМИСПО. Т. II. №158. С. 261.
 21. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений Т. I. М., 1973. Д. 157. С. 193.
 22. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. Т. 2. М., 1990. С. 231. Лимитрофы (лат. *limitrophus*, пограничный) — государства, образовавшиеся на северо-западных окраинах бывшей Российской империи (Латвия, Литва, Эстония). В более широком понимании слова к лимитрофам относят Польшу и Финляндию.
 23. Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 304.

24. Там же. С. 304–305.
25. *Тютюник Ю.* З поляками проти Вкрапни. Харків, 1924. С. 12. [Ре-принт].
26. Цит. по: *Михутина И.В.* Польско-советская война. 1919–1920 гг. М., 1994. С. 284.
27. Там же. С. 92.
28. *Деникин А.И.* Кто спас Советскую власть от гибели // Деникин А.И., Лампе А.А. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 5.
29. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 52412. Л. 8.
30. Польско-советская война. 1919–1920. (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. I / ред. И.И. Костюшко. М., 1994. С. 86, 88; *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 336–337.
31. *Черчилль У.* Мировой кризис. М.; Л., 1932. С. 185.
32. См.: Archiv Ministerstva zahraničnich věcí České Republiky. Politické zprávy. Moskva, 1921. 31.7. И. 184. 30.7. И. 196. 1.9. И. 235. 22.9. И. 271. Письма представителя белой эмиграции в Чехословакии Р. Сватковского министру иностранных дел Э. Бенешу.

А.В. Барынкин

Влияние «германского фактора» на развитие военно-политического противостояния между Польшей и Советской Россией

В развитии советско-польского военно-политического противостояния весьма важную роль сыграл германский фактор. Становление независимой Польши с крайне претенциозной программой территориального оформления границ не могло оставить безучастными ее ближайших соседей — Советскую Россию и Германию.

Традиционно в исторической литературе подчеркивается, что программой максимум Начальника государства Ю. Пилсудского было